

Йоханнес Ф. Линн*
Брукинс Инститьюшн

Значение экономической (дез)интеграции: возвращаясь к распаду Советского Союза

Введение

Политической и экономической крах империи Советский Союз в период с 1989 по 1991 г. во многих отношениях был историческим явлением – неожиданным, быстрым, болезненным в социальном и экономическом отношении, и, на удивление, мирным. Одним из наиболее значимых последствий этого процесса явился экономический спад, который негативно отразился на жизни большинства населения в этом огромном регионе. В странах бывшего Советского Союза экономический спад носил гораздо более глубокий и продолжительный характер, чем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (*рис. 1*). В последние годы, практически во всех странах начался стабильный процесс экономического выздоровления, который оказался более продвинутым в последней группе стран, однако более быстрым в первой группе (*рис. 2*).

* Автор является исследователем Брукинс Инститьюшн. Ранее он занимал должность вице-президента Мирового Банка по региону Европы и Средней Азии. Автор выражает свою признательность Льву Френкману, Бену Слэю и участникам форума Эд. А. Хьюитта, а также участникам семинара программы по государственному управлению, проходившему в Брукинс Инститьюшн, а также в Праге, Ташкенте и семинара Мирового Банка в Вашингтоне за их комментарии. Большую помощь в исследованиях автору оказали Роберт Хиллмэн, Кортни Чьяпарас и Айла Азизова. В ходе работы бесценное содействие автору оказывали Клиффорд Гадди и Фиона Хилл. Взгляды, выраженные в настоящем исследовании, принадлежат исключительно автору.

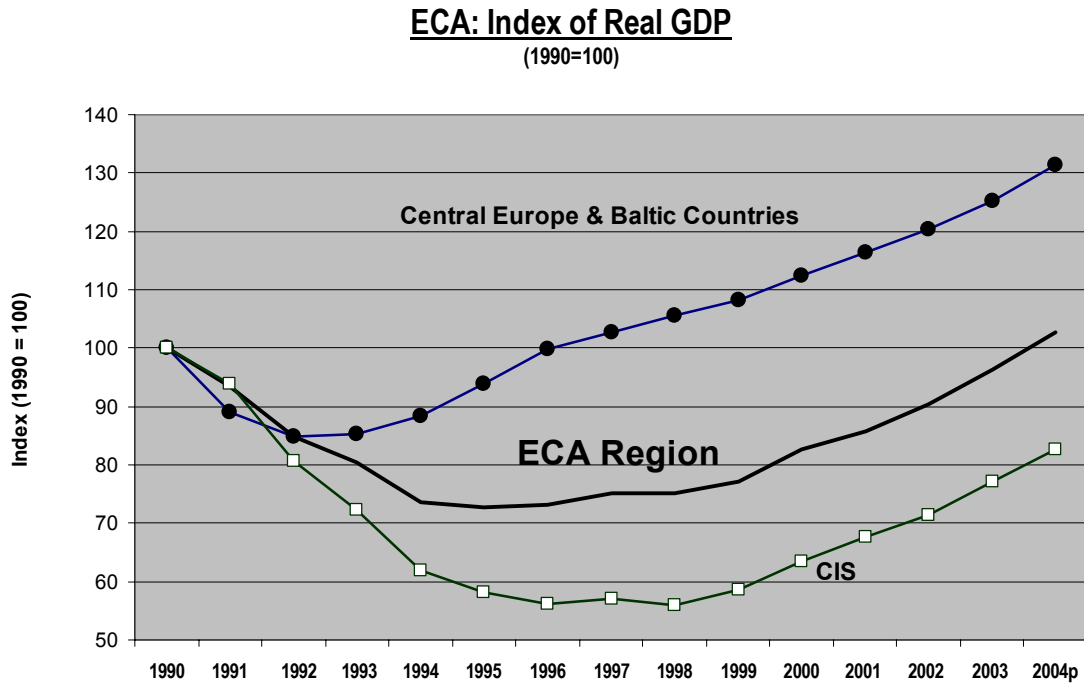

Рисунок 1

Регион Европы и Средней Азии: Индекс реального ВВП
(1990 = 100)

Индекс (1990 = 100)

Страны Центральной Европы и Прибалтики

Регион ЕСА

СНГ

Источник: Рисунки 1 и 2: Мировой Банк

Настоящий доклад в основном посвящен более глубокому осмыслению причин и последствий процесса распада СССР, который, по-видимому, не имеет прецедентов в недавней экономической истории мирного времени¹. Примечательно, что, несмотря на всю глубину переходной рецессии в странах бывшего Советского Союза, весьма мало глубоких исследований по анализу причин, механизмов и динамики экономического краха. Более того, следует отметить, что эти исследования оставили в стороне один весьма примечательный аспект переходного периода в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и бывшего Советского Союза, а именно – пространственную дезинтеграцию бывшего «Восточного блока» (отличавшегося высокой степенью интеграции экономики) по

¹ Часто проводится сравнение с Великой депрессией 1930-х гг., когда экономический спад в западных индустриально развитых странах достиг 20–30% за трехлетний период. В странах бывшего Советского Союза падение экономики было, как правило, в два раза более глубоким.

мере того, как с исчезновением централизованного планирования и возникновением границ между новыми государствами прерывались старые экономические связи. Особая ирония заключается в том, что в тот же период большинство экономистов воздавали хвалу глобальной и региональной интеграции в других регионах мира, хотя и на фоне волны недовольства в некоторых радикальных и, как правило, неэкономических кругах².

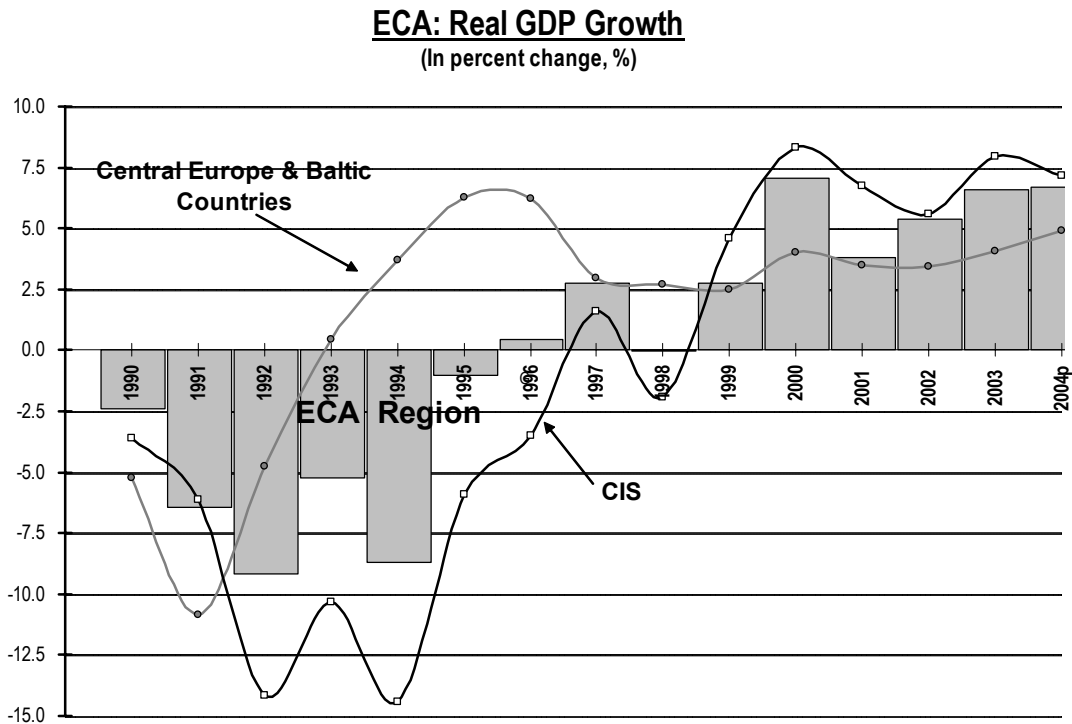

Рисунок 2

Регион Европы и Средней Азии: Рост реального ВВП

(изменения, в %)

Страны Центральной Европы и Прибалтики

Регион ЕСА

СНГ

² Еще одним фактором, который обычно упускается из виду, является динамика цен и производства электроэнергии в странах бывшего Советского Союза, особенно в России. Не случаен тот факт, что самые низкие мировые цены и самые низкие показатели производства нефти в России за десятилетия наблюдались в 1998 г. после 15-ти летнего спада, который внес значительный вклад в провал реформ Горбачева, экономический спад в России в 1990-х гг. и финансовый кризис 1998 г. в России. См. тенденции производства и цен в (*Institute for the Economy in Transition, 2004, pp. 158 – 165*). Особенно примечательно, что эта важная причина экономического провала осталась незамеченной, однако, экономисты отчасти справедливо связали экономический подъем, наблюдаемый в России в последние годы, с резким и стабильным ростом цен на энергию. Одним из исключений в этом отношении является работа (*Sutela, 2003*).

В начале настоящего исследования рассматриваются соображения, предлагаемые в стандартной экономической литературе, касательно причин экономического краха государств бывшего Советского Союза. Затем исследование переходит к анализу последствий, упускаемых из виду в большинстве опубликованных работ, а именно, распада высоко интегрированного экономического пространства бывшего Советского Союза. В заключении обсуждаются последствия распада бывшей советской экономики, которые оказывают влияние в этом регионе в настоящее время и будут влиять на его развитие в будущем.

История переходного периода, какой она видится сегодня

В экономической и эконометрической литературе по проблемам переходного периода в Центральной и Восточной Европе и государствах бывшего Советского Союза существует большое число работ, посвященных регрессионному анализу экономического роста в переходных экономиках. Показатели экономического роста выступают в качестве независимой переменной по отношению к нескольким казуальным переменным, обычно представляющим собой наборы переменных, отражающих так называемые «исходные условия» и параметры рыночных реформы³. Среди таких исходных условий называются такие показатели, как уровень развития, зависимость от торговли со странами СЭВ, макроэкономическое неравновесие, расстояние от границ ЕС, обеспеченность природными ресурсами, время существования социалистического режима в стране, а также существование вооруженных или гражданских конфликтов. Параметры экономических реформ обычно включают различные переменные и индексы, отражающие степень, содержание и сроки макроэкономической стабилизации, а также структурных и институциональных реформ. Эти эконометрические исследования в целом сходятся на том, что переходная рецессия и последующий рост могут быть в общих чертах объяснены следующим образом:

- исходные условия имели значение, которое, однако, убывало с течением времени;
- масштаб и скорость реформ были значимым фактором: чем в более сжатые сроки проводились реформы, тем короче был период рецессии и быстрее наступал экономический рост. Спорным моментом является последовательность политических и институциональных реформ;
- начальный спад является, до определенной степени, функцией скорости проведения реформ: реформы могут приводить к более значительным трудностям на начальном этапе, если они проводятся слишком медленно или слишком быстро;

³ Такая литература и результаты соответствующих исследований были проанализированы в (Fischer, Sahay and Vegh, 1998; Havrylyshyn, 2001; Campos and Coricelli, 2002; World Bank, 2002). Следует принять к сведению, что в дополнение к обычным ограничениям эконометрического анализа экономического роста, отмеченным здесь, можно также привести критику такого подхода, приведенную в (Lindauer and Pritchett, 2002).

- ни одно из эконометрических исследований не содержит в явном виде признания того факта, что Советский Союз распался на несколько независимых национальных государств⁴.

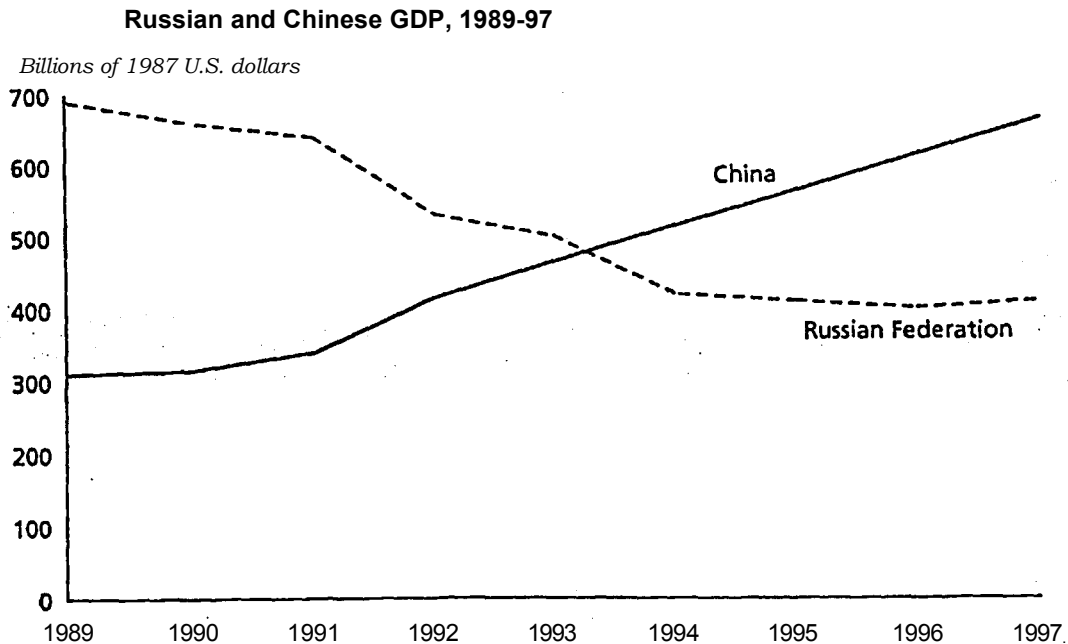
Наряду с вышеназванными эконометрическими исследованиями, существует еще ряд работ, касающихся экономического краха в переходных экономиках:

1. (Ослунд, 2001, 2002) подвергает сомнению сам факт значительного экономического спада на основании того, что официальные данные искажают действительные тенденции. По его мнению, используемые данные, наряду с другими своими недостатками, преувеличивают исходный объем ВВП на момент распада Советского Союза и недооценивают экономический подъем, поскольку не учитывают возрастающий вклад теневой экономики. К несчастью, его выкладки не подвергались глубокому статистическому анализу. Действительно, вся указанная выше эконометрическая литература просто оставляет в стороне любые вопросы, связанные с достоверностью статистических данных⁵. Пересмотр национальных счетов, проведенный в некоторых странах бывшего Советского Союза, до некоторой степени отразил проблемы, поднятые Ослундом. Более того, Ослунд пренебрег или принизил значение некоторых факторов, как, например, значительный спад в торговле внутри этого региона, а также явный и значительный рост масштабов бедности, имевший место в начальные годы переходного периода. Кроме того, даже ту степень экономического спада в переходный период, которую Ослунд (Ослунд, 2002) признает, он не связывает с проблемой экономической дезинтеграции. Тем не менее, проблемы, поднимаемые Ослундом в связи с качеством данных, должны приниматься во внимание, что, в свою очередь, приводит к важным вопросам относительно полезности многих эконометрических исследований.
2. В 1990-х гг. Стиглиц (Стиглиц, 1999) сравнивал экономические характеристики России и Китая на простом графике (воспроизведенном на *рис. 3*), по которому видно, что ВВП Китая быстро и непрерывно рос в период с 1989 по 1997 гг., в то время как ВВП России в течение практически всего этого периода неуклонно снижался. Стиглиц пришел к выводу о том, что если бы Россия не следовала неверным советам отечественным и зарубежным консультантов по экономике, настаивающим на быстром проведении реформ, а вместо этого применила бы китайский подход постепенных реформ и в первую очередь сосредоточилась на строительстве рыночных институтов, ей также удалось бы избежать экономического краха и прийти к быстрому экономическому росту. Можно, по-видимому, согласиться со Стиглицем в том, что большее внимание к институциональным реформам было бы полезно, и что двухэтапный процесс либерализации по китайскому образцу, если бы его удалось осуществить в последние дни существования советской системы, мог бы дать лучшие

⁴ Этот фактор также по большей части игнорируется в обзорах, упомянутых в предыдущем примечании. Как было указано выше в примечании 2, эта литература также пренебрегает таким критическим фактором, как динамика цен на энергоносители.

⁵ Это замечание, как и предыдущее, также относится к обзорам, упомянутым выше.

результаты, чем те, что были достигнуты в реальности. Тем не менее, весьма маловероятно, что китайский подход, опирающийся на сильный административный и партийный контроль, мог бы быть воплощен в жизнь после того, как г-н Горбачев серьезно ослабил механизмы центрального контроля в советском государстве, т.е. центральные административные структуры и Коммунистическую партию (Элман и Конторович, 1992; Коткин, 2001). И, наконец, как будет показано ниже, пространственная дезинтеграция Советского Союза привела к значительным экономическим разрывам, которых удалось избежать Китаю.

Stiglitz, Joseph E. "Whither Reform: Ten Years of the Transition". Annual World Bank Conference on Development Economics, 1999.

Рисунок 3

ВВП России и Китая в 1989 – 97 гг.

В млрд. долл. США, 1987 г.

Китай

Российская Федерация

- Гораздо более существенное и верное объяснение спада за время переходного периода было дано в (Kornai, 1993), поскольку в этом случае было названо несколько факторов, объясняющих экономический спад пережитый странами Центральной Европы: сокращение запасов готовой продукции; реструктуризация предприятий и разрыв экономических связей; неразвитость финансовых рынков и снижение спроса (внешней торговли и внутренних инвестиций и потребления). Несколько работ, более подробно рассмотренных

ниже, содержат более глубокий анализ влияния некоторых из этих факторов в переходных экономиках.

4. Среди исследований, посвященных внешним шокам, следует отметить работы (*Родрика, 1992; Тарра, 1993*), где приводится подробный анализ влияния «шоков условий торговли», вызванных развалом СЭВ и СССР. (*Авенесян и Фрейнкман, 2003*) рассчитали влияние международных ценовых и спросовых шоков для Армении. Каждый из этих авторов приходит к выводу о наличии значительных количественных эффектов таких шоков, которые в достаточной мере объясняют экономический спад, испытанный соответствующими странами⁶.
5. Другие исследования посвящены измерению влияния реструктуризации предприятий на экономический спад: (*Айон и Бланишар, 1994*), а также (*Мировой Банк, 2002*) обращают внимание на воздействие «созидательного разрушения» в ходе реструктуризации предприятий и рынка труда, в то время как (*Бланишар и Кремер, 1997*) отмечают эффекты «дезорганизации», а в работе (*Хэр и др., 2000*) анализируется влияние дезорганизации и разрыва торговых связей (на примере Узбекистана и Казахстана).

Интересно отметить, что последние из упомянутых выше работ (см. пп. 3–5 выше) идентифицируют и пытаются количественно оценить отдельные аспекты экономического распада, как части переходного процесса. Однако, несмотря на этот ценный вклад в лучшее понимание процесса экономического краха в переходных экономиках, поразительно, насколько малым выглядит число работ, учитывающих влияние дезинтеграции экономического пространства на глубочайший экономический спад, особенно в странах бывшего Советского Союза⁷. В следующем разделе этот фактор анализируется несколько более подробно.

Распад экономического пространства – утерянный кусочек мозаики

Переход в Европе и странах бывшего Советского Союза происходил в двух ключевых измерениях: во-первых, он проходил в системном измерении, где политические и экономические системы двигались по пути от диктатур к демократиям и от центрального планирования к рыночным экономикам. Но, во-вторых, он также имел место в пространственном измерении, где происходила масштабная дезинтеграция политического и экономического пространства по мере того, как Восточный блок распадался политически и экономически.

⁶ Эти эффекты более подробно рассматриваются ниже..

⁷ Это наблюдение подтверждается аннотированным списком основных работ по вопросам переходного периода, приводимым в The National Council for Eurasian and East European Research (без даты). Примечательно, что это замечание относится также и к европейским исследователям (см. напр., *Hillebrand, Kempe, 2003; Sutela, 2003*).

Дезинтеграция экономического пространства вызывала беспокойство многих наблюдателей еще на первых этапах трансформации, поскольку они видели возникновение ранних признаков этого процесса во второй половине 1980-х гг. в результате реформ Горбачева, как в виде распада связей между предприятиями, так и исчезновения контроля за субнациональными властями. Так, например, (*Грос, 1991; Вильямсон, 1993; Вольф, 1993; Ясин, 1993*) выражали беспокойство в отношении потенциального распада экономических и, особенно, торговых связей между республиками. Следует отметить, что Вильямсон, и, в особенности, Вольф отмечали, что следовало избежать повторения экономического эффекта от разрыва торговых связей, который наблюдался в случае Австро-Венгерской Империи в конце Первой мировой войны⁸. Действительно, удивительным фактом является то, что даже в 1991–1992 гг. некоторые наблюдатели, в частности, Грос и Ясин, не ожидали, что процессу распада экономического пространства будет позволено зайти так далеко, как это случилось в действительности⁹. (*Комаров, 1993*) представил качественную оценку значения «распада экономического пространства» для стран бывшего Советского Союза.

Однако, несмотря на предупреждения о последствиях экономической дезинтеграции и на неоднократные усилия по поддержанию организованных экономических связей между новыми республиками бывшего Советского Союза – особенно в рамках нового, хотя и крайне неэффективного механизма Содружества Независимых Государств (СНГ) – процессы распада и соответствующего экономического спада быстро развивались после 1991 г. Как кажется, экономисты, за некоторым исключением, по большей части игнорировали роль, которую играли эти дезинтеграционные процессы. Это выглядит удивительно с учетом того факта, что процессы эти были крайне наглядны и имели такое политическое значение. Они были одним из основных отличий между странами бывшего Советского Союза и Китаем в опыте трансформации экономики.

Ниже более подробно рассмотрены эти процессы и их последствия.

На протяжении значительного периода своего существования экономика советской империи целенаправленно интегрировалась, объединяя огромные географические пространства. Советская система централизованного планирования территориально распределяла промышленное производство, специализируя его по регионам. В типичном случае, одна или всего несколько фирм производили какой-либо продукт для всей советской экономики. Так, Снайдер приводит документальное

⁸ Хотя Грос утверждал, что сохранение центральной власти в случае Советского Союза не было необходимым, и, даже, желательным, в конце своей работы он также отметил, что «...экономические аргументы в пользу проведения некоторыми республиками автономной экономической политики не оправдывают ни крайнего национализма в экономической политике, ни резкого разрыва существующих экономических связей» (см.: *Gros, 1991, p. 213*).

⁹ Например, Ясин на конференции, имевшей место в апреле 1992 г., постулировал три возможных сценария, касающихся отношений между новыми республиками бывшего Советского Союза, включая «...один экстремальный сценарий, [который] предусматривает, что все бывшие советские республики станут и будут оставаться независимыми государствами со своими собственными валютами и независимой торговой политикой», сценарий, который, как он полагал, «выглядел маловероятным» (*Yasin, 1993, p. 33*).

подтверждение чрезвычайной экономической концентрации, при которой, например, 34 из 65 видов сельскохозяйственного оборудования производились одним предприятием для всего Советского Союза (*Снайдер, 1993*). В силу тех же факторов, высокая концентрация отмечалась и в производстве важнейших потребляемых ресурсов¹⁰. Этот факт хорошо подтверждается примером завода по производству копнителей в Республике Киргизия, работа которого зависела от поставок компрессоров, которые производились лишь на одном предприятии в Эстонии и на одном в России (*Hare et al., 2000*)¹¹.

Высокоразвитая инфраструктура железнодорожного и воздушного транспорта обеспечивала возможность такой организации производства, причем затраты и значительные скрытые субсидии не брались в расчет. В качестве центра, транспортные системы ориентировались на Москву¹². В результате этого, внутренние и внешние торговые потоки в советском блоке носили значительный масштаб и включали дальние сухопутные перевозки (так, например, товары из Средней Азии поставлялись в порты на балтийском побережье, таджикский алюминий поставлялся предприятиям Белоруссии, овечья шерсть из Киргизии направлялась в Восточную Европу, и т.д.). Точно также, на огромные расстояния транспортировались энергетические ресурсы (газ и нефть), характерным было и существование регионально интегрированных энергетических систем (например, на Южном Кавказе и в Средней Азии). Как и в случае с перевозками, энергетические ресурсы характеризовались номинальными ценами и высокими скрытыми субсидиями. Региональные системы водных ресурсов в Средней Азии интегрировались в целях интенсивной ирригации, производства электроэнергии и снабжения городов водой. Трудовые ресурсы, часто принудительно, в значительных масштабах перемещались из региона в регион в целях выполнения тех или иных плановых заданий. Административные институты были высоко централизованы, особенно в Советском Союзе, где масштабы такой централизации были выше, чем во многих других социалистических странах. Ключевые элементы этой интегрированной системы централизованного планового управления хорошо описаны в (*Hill and Gaddy, 2003*), где авторы касаются их применения в процессе освоения Сибири. Многие аспекты анализа, содержащегося в этой работе, также корректны в отношении других территорий советской империи.

До 1970 г. советская система относительно успешно генерировала определенный экономический рост (основанный на высоких объемах инвестиций, принудительном сбережении и централизованной плановой мобилизации трудовых ресурсов, высоких затратах на образование и науку, и т.д.). С течением времени система все более деградировала под грузом своей неэффективности, слишком низких объемов потребления и высоких военных расходов, что вело к ее стагнации.

¹⁰ Что касается яркого описания этой высоко интегрированной системы в странах бывшего Советского Союза и конкретных примеров межреспубликанских поставок угля, энергии и нефти (см.: *Komarov, 1993*).

¹¹ Можно привести еще один пример из сферы телекоммуникаций: «Телефонные аппараты производились в Риге, Латвия, и Перми, Россия, причем российский завод производил примерно 90 % всех телефонных аппаратов». (*Bock and Sutherland, 2000, p. 321*).

¹² Анализ системы железнодорожного транспорта см. в (*Kontorovich, 1992*).

Эти трудности стали более заметными и очевидными в 1970-х и 1980-х гг., когда прибыль на инвестированный капитал и общая производительность факторов производства резко упали¹³.

Реформы Горбачева были предприняты с целью преодоления этих тенденций путем выборочной либерализации политической и экономической системы, но, на практике, привели к утере политического и экономического контроля. Действительно, как отмечают (Элман, Конторович, 1992), дезинтеграция в Советском Союзе началась уже во второй половине 1980-х гг. в результате реформ Горбачева, которые привели к разрыву связей между предприятиями и утере контроля центра над субнациональными властями. Ключевым элементом распада централизованного контроля стало фактическое уничтожение Коммунистической партии (Kotkin, 2001), которая являлась тем элементом, что скрепляла эту обширную империю. В сочетании с утерей экономического контроля над предприятиями, которая началась с реформы системы экономических показателей предприятий в 1987 г., утрата политического контроля над регионами привела к все углубляющемуся фискальному кризису конца 1980-х гг., продолжавшемуся и в 1990–1991 гг., стагнации, и, в конечном итоге, глубокому экономическому спаду 1990–1991 гг., а также росту сепаратистских тенденций – сначала, среди государств-сателлитов в Центральной Европе, а затем и среди советских республик (Gaidar ed., 2003; Sutela, 2003).

В ходе политического распада, СЭВ был расформирован, и страны Центральной Европы повернулись лицом к Западу. Затем, в 1991 г., Советский Союз распался как политическое образование, что было формально зафиксировано в декабре 1991 г. Вследствие этого политического распада также ускорились и процессы экономической дезинтеграции, которые вышли далеко за рамки непосредственного эффекта системных экономических реформ (макроэкономической стабилизации, либерализации цен, приватизации, правовой и нормативной реформы, а также, в более общем плане, строительства рыночных институтов, и т.д.). К ключевым элементам этой дезинтеграции в прошлом высоко интегрированного экономического пространства относились, в частности, следующие¹⁴:

¹³ См., например, (Campos and Coricelli, 2002; Gaidar ed., 2003).

¹⁴ (Комаров, 1993) описывает эту ситуацию следующим образом, (цит. по переводу на английский язык, выполненному Айлой Азизовой): «В результате распада страны многие из этих связей [между предприятиями] были разрушены. Российское правительство не предложило ни удовлетворительного механизма взаимных поставок, ни приемлемой системы платежей между республиками; таким образом, некоторые предприятия лишились своих традиционных поставщиков, другие утратили свои торговые каналы, а некоторые лишились платежеспособного спроса. Эти факторы привели к значительному спаду производства. В результате распада бывшего Советского Союза возникли многочисленные торговые барьеры между республиками; некоторые нефте- и газопроводы были «закрыты», поставки электроэнергии остановлены, производство товаров, которое в прошлом было ориентировано на поставки в другие республики, начало сворачиваться, экономические связи были отчасти разрушены из-за технологического перераспределения».

1. Интегрированная система наличных и безналичных платежей между предприятиями была разрушена, что привело к постепенной остановке финансовых потоков и платежей через новые границы (особенно с развалом рублевой зоны и переходу к оплате трансграничных поставок в твердой валюте) (*Noren and Watson, 1992; Sutela, 2003*). В более общем плане, связи между предприятиями, как установленные в рамках централизованной плановой системы, так и (что возможно еще более важно) в рамках широко практикуемых неформальных цепочек предприятий, возникающих в ходе непосредственного производства (в отличие от теоретически существующих систем планирования и распределения), исчезли или были серьезно ограничены в результате распада Советского Союза¹⁵.
2. Были ликвидированы бюджетные и инвестиционные субсидии, предоставлявшиеся одними республиками другим. Так, республики Средней Азии получали от 5 до 30% своего ВВП (бюджетных доходов) в качестве субсидий из союзного бюджета (*Alexashenko, 1993, p. 293*).
3. Скрытые ценовые субсидии были сокращены или упразднены, включая энергетические субсидии. В соответствии с некоторыми оценками, в 1990 г. ценовые субсидии, предоставляемые Россией другим странам и республикам, составляли до 58 млрд долл. США, из которых 40 млрд долл. США получали союзные республики и 18 млрд долл. США – страны СЭВ (*World Bank, 1996*).
4. Были введены формальные таможенные и торговые барьеры (*Wolf, 1993; Komarov, 1993; Freinkman, Polyakov and Revenco, 2004*). Кроме того, широкое распространение получили неформальные торговые и транзитные барьеры. Так, например, по некоторым оценкам, грузовая машина из Киргизии, пересекающая территорию Казахстана, должна была выплачивать 1500 долл. США в качестве взятки и неформальных сборов (*EBRD, 2003*). Границы между некоторыми республиками были закрыты в связи с конфликтами, соображениями безопасности, или ошибочной экономической политикой.
5. Были подняты расценки на транспортировку, а транспортные услуги – переориентированы. Имеются данные о сокращении частоты рейсов и о росте сроков железнодорожных перевозок (*Djankov, Freund, 2000*). Объемы воздушных перевозок резко упали, о чем свидетельствуют заброшенные и

¹⁵ Описание формальных и неформальных связей между предприятиями см. в (*Sutela, 2003*). В работе (*Kovaleva et al., 2002*) приводится обобщающее описание влияния этого явления на страны бывшего Советского Союза (цит. по переводу на английский язык, выполненному Айлой Азизовой): «В бывшем СССР многие виды продукции создавались на основе кооперационных связей. Особенно это характерно для машиностроения, когда отдельные детали и узлы производились на разных заводах, многие предприятия являлись звеньями в технологической цепочке производства готовой продукции. С распадом СССР, когда эти предприятия оказались в разных государствах, разрыв связей пагубно сказался на производственном процессе. По оценкам экономистов третья часть сокращения производства в республиках СНГ в ходе реформ непосредственно связана с разрывом хозяйственных связей».

приходящие в негодность самолеты в некоторых в прошлом кипящих жизнью аэропортах по всему бывшему Советскому Союзу¹⁶.

6. Распались интегрированные энергетические системы (на Южном Кавказе и в Средней Азии), в то время как интегрированные водные системы (особенно в Средней Азии) постепенно приходили в упадок, что негативно сказалось на объеме и качестве жизненно важных услуг по водоснабжению для ирригации и потребления населением.
7. Три миллиона русских, многие из которых являлись высоко квалифицированными специалистами, вернулись в Россию из других республик СНГ, особенно стран Средней Азии (*Hill, Gaddy, 2003*). Это привело к тому, что они и сами столкнулись со значительными проблемами переселения, и создали эти проблемы для России, переживающей экономический спад.
8. В связи с развалом центральной советской администрации, в республиках возникла проблема создания своих новых органов власти и управления. Исчез жесткий контроль в вопросах внутренней безопасности, что привело к войнам и гражданским беспорядкам на начальном этапе обретения независимости, которые оставили после себя глубокие шрамы разрушений, закрытых границ и миллионов беженцев и вынужденных переселенцев, особенно в результате этнических конфликтов в Грузии и армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе.

Свидетельства распада экономического пространства относятся не только к экономическим и институциональным связям между отдельными странами, но и в внутри стран, особенно таких крупных, как Россия и Украина. Так, например, (*Хилл, Гадди, 2003, р. 111*) отмечают, что в 1992 г. в России нарастали «страхи перед распадом страны», поскольку некоторые области предприняли шаги, направленные на увеличение своей автономии. Они «...вводили законодательство... находящееся в противоречии с федеральными законами... осуществляли протекционистскую экономическую политику, вводили тарифы на товары из других регионов, следующие транзитом через их территории, и отказывались перечислять налоговые доходы центральному правительству». Далее, Хилл и Гадди цитируют географа Григория Иоффе, который отмечал, что «систематические попытки региональных властей отгородить свои области от остальной территории страны лишь усугубляли уже достаточно острую проблему фрагментации России». В то же время плохие показатели федерального бюджета, послужившие прямой причиной финансового кризиса 1998 г., могут быть отчасти отнесены к не перечислению региональными властями налоговых отчислений федеральному центру. Кроме того, транспортная система России деградировала в

¹⁶ Поскольку сектор телекоммуникаций был весьма малоразвит еще в советское время (*Brock and Sutherland, 2000*), предположительно, он меньше пострадал от распада СССР. Тем не менее отсутствие эффективных коммуникаций могло на практике затруднить поддержание дальних связей между производителями, разделенными большими расстояниями и новыми границами после разрыва прежних официальных каналов планирования.

связи с нарастающими трудностями в сфере железнодорожного транспорта (*Kontorovich, 1992*), а также развалом других видов транспорта и связи, включая воздушный и водный транспорт и телекоммуникации, особенно в удаленных регионах (*Hill, Gaddy, 2003*). Объем грузовых перевозок упал на 42% в период между 1991 г. и 1997 г. Объемы почтовых отправок сократились на 83% в период между 1990 г. и 1996 г. (*de Broek and Koen, IMF, 2000*). На Украине в первые годы независимости внутренняя торговля также пострадала в результате усилий региональных властей по защите своих экономик от вывоза дефицита жизненно важных товаров или своих предприятий от конкуренции со стороны других регионов и стран. Внутренние транзитные барьеры, включая формальные и неформальные контрольные посты, также стали частым явлением в Средней Азии, особенно Казахстане и Узбекистане. Эта форма внутренней дезинтеграции приняла крайние формы в районах гражданских войн (Таджикистан) или там, где сепаратистским движениям удалось создать свои режимы на все более автономных территориях (Азербайджан, Грузия, Молдова).

По целому ряду причин, трудно осуществить количественную оценку экономического эффекта дезинтеграции: во-первых, разделения влияния дезинтеграции от других факторов, лежащих в основе трансформационного спада (стабилизация, ценовая либерализация и т.д.), является трудной в эмпирическом отношении. Во-вторых, может оказаться невозможным отделить прекращение неэффективной деятельности от прекращения эффективной в результате возникновения новых барьеров на пути торговли и внутренних коммуникаций. В-третьих, оценка стоимости дезинтеграции в отдельных сферах и агрегация таких данных в итоговые показатели может оказаться просто невозможной. Сомнительно, что в данном случае межстрановой регрессионный анализ сможет помочь понять динамику процесса дезинтеграции. Однако уже на этом этапе возможно привести разрозненные данные, свидетельствующие, что распад экономического пространства является значимым фактором трансформационного спада.

Во-первых, влияние экономического распада подтверждается тем, что трансформационный спад был самым масштабным в небольших и не имеющих выхода к морю республиках СНГ, которые в наибольшей степени зависели от внешних связей и финансовых трансфертов. Напротив, трансформационный спад был наименьшим в странах Центральной Европы, которые не так сильно были интегрированы в советскую систему, несмотря на то, что и они испытали дезинтеграционный шок. Россия, Украина и прибалтийские государства попадают в среднюю группу, которая характеризуется промежуточным положением между этими двумя крайностями, как в плане тяжести трансформационного спада, так и дезинтеграционного шока¹⁷. Тот факт, что прибалтийские государства испытали гораздо более тяжелый экономический спад, чем страны Центральной Европы (*рис. 4*), в значительной степени объясняется тем, что они были в гораздо большей

¹⁷ Россия выиграла от прекращения межреспубликанских трансфертов и ценовых субсидий, которые она в основном и оплачивала. С другой стороны, Россия приняла на себя весь долг бывшего Советского Союза.

степени интегрированы в экономику Советского Союза на момент его распада, чем страны Центральной Европы. То, что они преодолели этот спад раньше и быстрее, чем Россия и Украина, может быть объяснен за счет более эффективных реформ, проводившихся в Прибалтике, а также ускоренной интеграцией балтийских стран в Западную Европу. Они также не пострадали от внутренней дезинтеграции в той мере, что Россия и Украина. С этими соображениями также хорошо согласуется тот факт, что рецессия в Албании была гораздо менее масштабной, чем в Грузии и Республике Киргизия (рис. 5). Перед падением социалистического режима, Албания была изолирована как от своих соседей, так и большинства остальных стран мира, и поэтому испытала гораздо менее серьезный дезинтеграционный шок, чем Грузия и Республика Киргизия, которые были глубоко интегрированы в советскую экономику.

Index of Real GDP
(Index 1990 = 100)

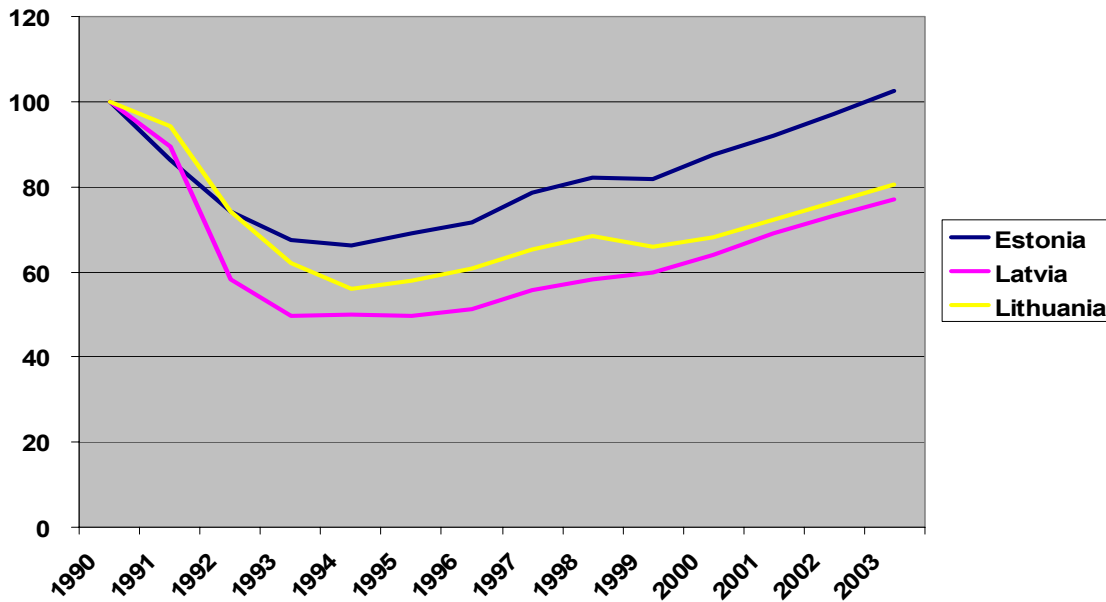

Рисунок 4

Индекс реального ВВП
(Индекс 1990 = 100)

Эстония

Латвия

Литва

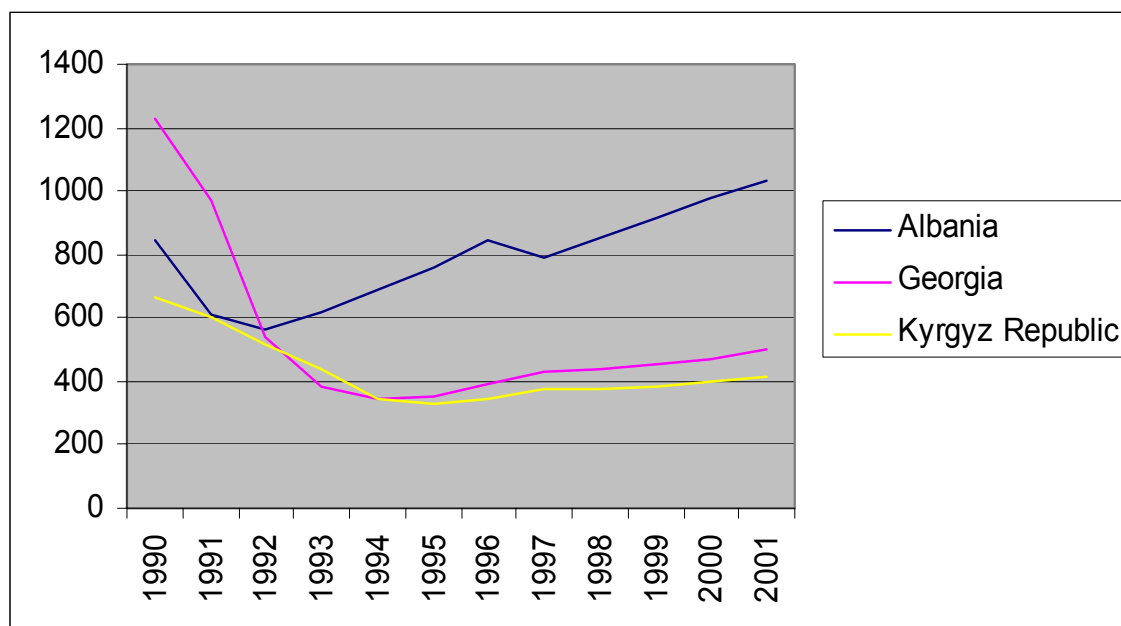

Рисунок 5 Тенденции ВВП в расчете на душу населения в Албании, Грузии, и Республике Киргизстан (в постоянных ценах на 1995 г., в долл. США)

Источник: Мировой Банк

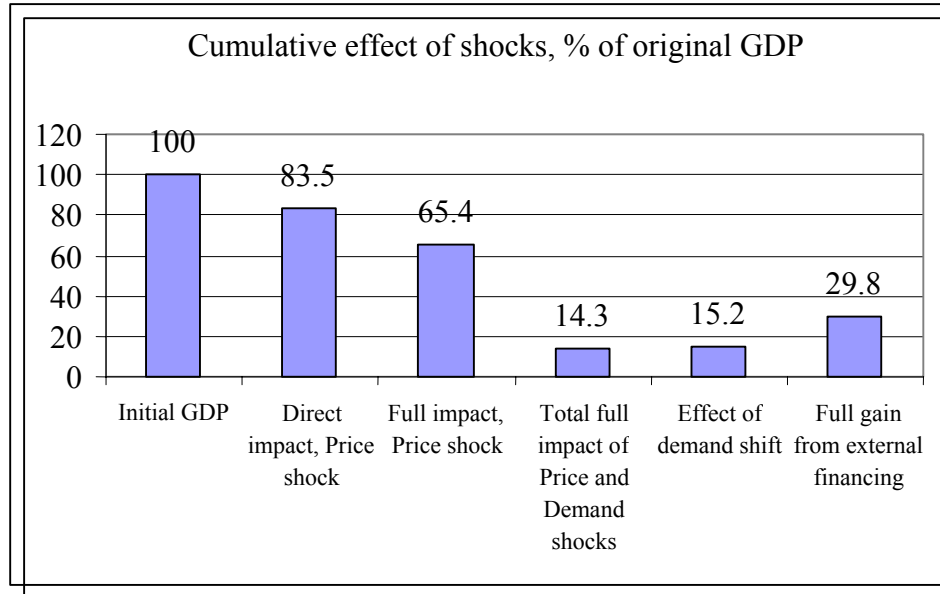
Fig. 6. Comparative effects of various shocks in Armenia

Рис. 6. Сравнительный эффект различных шоков в Армении
 Кумулятивный эффект шоков, в % от исходного ВВП
 Исходное значение ВВП
 Прямой эффект, ценовой шок
 Полный эффект, ценовой шок
 Сумма полного эффекта ценового и спросового шоков
 Эффект изменений в спросе
 Полный прирост от внешнего финансирования

Во-вторых, масштабы спада в торговле были огромны: в рамках СНГ внутренний торговый оборот упал на 83–84% в период с 1991 г. по 1993 г. (*Freinkman, Polyakov, Revenco, 2004*). Между 1990 г. и 1992 г. объемы экспорта в рамках бывшего Советского Союза снизились с 320 млрд долл. США до 20 млрд долл. США (*Metcalf, 1997*). Несмотря на то, что с течением времени страны СНГ в различной степени смогли переориентировать свои торговые потоки на другие страны мира, это не компенсировало те торговые потери, что они понесли при распаде связей по обмену товарами в рамках СНГ. По данным, приводимым в работе (*Avenesyan, Freinkman, 2003*), прямые и косвенные торговые шоки в Армении (как ценовые, так и спросовые) привели к 85% снижению ВВП, что превышает максимальное значение (65%) спада ВВП (*рис. 6*)¹⁸. В соответствии с еще неопубликованными расчетами Мирового Банка, в 1990 г. поголовье овец в Республике Киргизия достигало 13 млн голов, а к 2002 г. их число сократилось до 3, поскольку эта страна потеряла большинство своих рынков сбыта в странах бывшего Советского Союза. Что касается стран Центральной Европы, ранние расчеты показывают, что в значительной мере переходная рецессия может быть объяснена за счет торгового коллапса, возникшего вследствие распада СЭВ. Так, например, по расчетам (*Родрика, 1992*), весь спад в ВВП Венгрии, наблюдавшийся в 1990–1991 гг., может быть объяснен торговым шоком, на счет которого можно отнести также 60% спада в Чехословакии и от одной трети до одной четверти спада в Польше.

В-третьих, на уровне предприятий существуют спорадические свидетельства того, что отдельные предприятия разорились в результате разрывов в цепочках предложения и спроса, образовывавшихся по мере возникновения новых границ и барьеров на пути торговли, транзита и платежей. Хорошо документированным случаем является пример уже упомянутого выше завода по производству копнителей в г. Бишкеке, который поставлял свою продукцию во все регионы Советского Союза. Завод разорился, поскольку его работа зависела от поставок компрессоров, которые производилось лишь на одном предприятии в Эстонии и одном в России. После получения независимости, Эстония прекратила поставки, поскольку киргизская фирма не могла оплачивать их в твердой валюте, что привело к немедленному снижению производства на 50%. Российский же производитель, который в течение определенного времени продолжал поставки по бартеру, не мог компенсировать отсутствие поставок с эстонского предприятия (*Hare et al., 2000*). В качестве еще одного примера можно привести случай костромской школы-фермы, в отношении которой своими наблюдениями, полученными в ходе четырехнедельного посещения в мае–июне 1991 г., поделился Клиффорд Гадди:

«Наряду с поголовьем других животных, на ферме Каспанова содержались 150 тыс. цыплят. Когда я был здесь год назад, их число достигало 250 тыс. За это время Каспанов (директор фермы) был вынужден сократить размер поголовья на 100 тыс. птиц из-за невозможности достать специальный корм

¹⁸ Авенесян и Фрейкман в первую очередь объясняют различия в издержках от торговых шоков и реального снижения ВВП смягчающим воздействием политических реформ и внешней финансовой поддержки, которые сделали менее болезненным эффект торгового шока.

для цыплят, который был необходим для их содержания. В (советском) прошлом корм поставлялся с Украины. Теперь этот канал поставок был разрушен. Каспанов подчеркнул, что это является отражением тех трудностей, которые возникли, скорее, в связи с распадом Советского Союза, чем в результате рыночных реформ как таковых. (Он также упомянул, что схожие проблемы возникли в отношении специального оборудования, необходимого для программы замены телок. Ранее это оборудование импортировалось из ГДР. Теперь для приобретения запасных частей и т.п. ему потребуется твердая валюта).

«Каспанов сообщил, что по мере того, как становилось ясно, что крупная ферма не сможет содержать прежнее поголовье птицы в связи с отсутствием поставок корма с Украины, он начал раздавать цыплят своим рабочим и их семьям. Однако они могли взять лишь довольно ограниченное количество цыплят – капля в море по сравнению с теми 100 тыс., на которые надо было сокращать поголовье»¹⁹.

После определения проблемы и сбора данных, подтверждающих, что распад экономического пространства явился важным фактором экономического спада в странах бывшего советского блока, становится ясно, что здесь по-прежнему существуют значительные исследовательские проблемы. К ним относятся и вопросы Ослунда по поводу правильности данных национальных счетов. К ним относятся и важные вопросы в отношении методов разделения и анализа влияния различных феноменов, одновременно имевших место в процессе перехода: эффекта макроэкономической стабилизации, негативных шоков цен на нефть, «созидательного разрушения», сопровождавшего реструктуризацию предприятий, дезорганизации системы производства, и распада экономического пространства. Встает и вопрос о методах, с помощью которых можно провести количественное определение и оценку эффекта прекращения неэффективных субсидий отдельно от эффекта введения неэффективных барьеров. Встают здесь и вопросы количественной оценки и суммирования дезинтеграционных эффектов. Наконец, остается вопрос о том, какой именно подход является более продуктивным: анализ на уровне предприятий, анализ отдельных стран, или межстрановые эконометрические исследования.

Тем не менее, перед тем, как приступить к решению такой амбициозной исследовательской задачи, можно поставить закономерный вопрос о том, стоит ли тратить усилия на объяснение переходного спада в странах бывшего советского блока в то время, когда государства Центральной Европы уже вступили в Европейский Союз, а в странах бывшего Советского Союза наблюдается значительный экономический рост. Поэтому последняя часть настоящей работы посвящена рассмотрению некоторых аспектов значения истории дезинтеграции для стран, находящихся ныне в процессе трансформации.

¹⁹ Я в долгу перед Клиффордом Гадди, который любезно поделился со мной своими полевыми заметками.

Значение истории дезинтеграции

Наряду с тем, что это явление интересно с чисто исторической точки зрения, важно понять причины резкого экономического спада, пережитого экономикой стран бывшего советского блока, и оценить тот вклад, который внесла в него дезинтеграция, исходя из важных политических соображений. Во-первых, по-прежнему стоит вопрос о реальном эффекте рыночно ориентированных реформ. На практике, сегодня в большинстве стран СНГ измеримый ВВП все еще не достиг уровня 1990 г., качество общественных услуг для большинства населения зачастую ниже, чем прежде, бедность растет, а социальные условия ухудшаются. Многие граждане, политики и некоторые эксперты считают это провалом рыночно ориентированных реформ, используя этот вывод в качестве основы для рекомендаций по выбору альтернативных стратегий, включая стратегии индустриализации, проводимой государством. Если бы удалось в более общем виде продемонстрировать, как это сделали (*Авенсян, Фрейнкман, 2003*) применительно к Армении, что издержки от дезинтеграции превысили действительное снижение ВВП, и что реформы действительно существенно улучшили ситуацию по сравнению с тем, что могло бы произойти без проведения таких реформ, это помогло бы опровергнуть многие некорректные аргументы о предположительно негативном эффекте рыночно ориентированных реформ.

Во-вторых, следует вернуться к сравнению темпов развития России и Китая (*рис. 3*), которые (*Стиглиц, 1999*) приводит в качестве доказательства провала курса экономических реформ, которым следовала Россия. Как отмечали другие авторы, в этих двух странах значительно различались исходные условия (см., напр.: *World Bank, 2002; Sutela, 2003*), и существует множество причин, по которым Китай и Россия выбрали различные пути реформ. Поэтому, можно утверждать, что китайский путь был бы не подходящим для России в 1992 г. Следует, однако, отметить, что один пункт был упущен из внимания исследователями, сравнивавшими опыт Китая и стран бывшего Советского Союза: Китай не распался, как распался бывший Советский Союз. В качестве чистой гипотезы представим себе, что могло бы произойти, если бы Китай развалился после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, с соответствующими беспорядками и борьбой за независимость в новых государствах, которые могли бы возникнуть на месте Китая. По всей видимости, траектория роста (бывшего) Китая была бы серьезно нарушена, и, возможно, также испытала бы глубокий спад, схожий с тем, что имел место в ходе «культурной революции», которая также во многом представляла собой период экономической дезинтеграции, схожий с тем, что имел место в бывшем Советском Союзе²⁰.

²⁰ Согласно Стиглицу, основная вина за провал попытки России пойти по китайскому пути лежит на иностранных советниках и международных финансовых институтах (*Stiglitz, 1999*). Это критическое замечание некорректно и упускает из виду ключевой элемент выбора траектории развития. В Советском Союзе, зарубежные советники и международные финансовые институты стали появляться на сцене лишь около 1990 г. и позже. Однако к тому времени процесс дезинтеграции политического и экономического контроля и связей в Советском Союзе зашел уже так далеко, что было бы иллюзией выступать за использование китайской модели. Такая модель требовала очень высокой степени центрального контроля, который мог бы осуществляться лишь за счет сильной

В-третьих, опасения еще большей дезинтеграции остаются одним из серьезных факторов в странах, находящихся сегодня на переходном этапе. Такой фактор особенно значим в тех странах, где существует угроза войны или гражданских беспорядков (в Средней Азии и на Кавказе). Кроме того, опыт политического и экономического хаоса и распада, полученный в конце 1980-х и начале 1990-х гг. также остается важнейшим психологическим фактором для российского общественного мнения и руководства страны, которые, очевидно, ставят во главу угла поддержание политической и территориальной целостности. Тот факт, что в XX в. Россия пережила три серьезнейших угрозы своей экономической целостности и существованию государства (во-первых, Первая мировая война и последующая большевистская революция, во-вторых, Вторая мировая война и, в-третьих, распад Советского Союза) сегодня является, по-видимому, основным фактором, определяющим взгляды и действия общества и политического руководства не только в России, но и остальных странах бывшего Советского Союза²¹.

В-четвертых, на фоне масштабной и резкой дезинтеграции, интеграция переходных стран друг с другом и с другими государствами мира является ключевым моментом в обеспечении продолжения экономического оздоровления и быстрого роста. Безусловно, дальше всех по этому пути продвинулись страны Центральной Европы, недавно вступившие в ЕС. За ними следуют государства Юго-Восточной Европы, где, по-видимому, в долговременной перспективе интеграция в Европу приведет к значительной политической стабильности и создаст систему, в рамках

партийной дисциплины, которая, очевидно, отсутствовала в России в то время. В любом случае, российские реформаторы не собирались прислушиваться к предложениям о проведении постепенных или частичных экономических реформ, поскольку такой путь был уже дискредитирован провалом реформ Горбачева. Временем, когда Советский Союз мог бы серьезно рассматривать возможность осуществления реформ по китайскому образцу, был 1985 г., когда к власти пришел Горбачев. В то же время вопрос о том, возможен ли был такой подход на практике, в лучшем случае остается открытым, учитывая значительные различия в структурной, институциональной и исторической ситуации в Советском Союзе по сравнению с Китаем на момент начала реформ в этой стране. Сутела (*Сутела, 2003*) считает, что, возможно, подходящим временем для проведения реформ по китайскому образцу была середина 1970-х гг., однако и он согласен с тем, что в 1990–1991 гг. у России уже не было такой возможности.

²¹ Согласно опросам общественного мнения, от 70 до 85% российских граждан устойчиво выражают сожаления по поводу распада СССР (см. опросы Фонда общественного мнения и др.). Как заявил в своем интервью журналистам, опубликованном в 2000 г., г-н Путин: «Поверьте мне, еще в 1990–1991 гг. я точно знал, как это ни самоуверенно звучит, что при том отношении к армии, которое сложилось в обществе, к спецслужбам, особенно после распада СССР, страна окажется уже очень скоро на грани развала. Теперь о Кавказе. Ведь по существу, что такое сегодняшняя ситуация на Северном Кавказе и в Чечне? Это продолжение развала СССР. Ясно же, что это когда-то надо останавливать. Да, какое-то время я надеялся, что с ростом экономики и развитием демократических институтов этот процесс будет заторможен. Но жизнь и практика показали, что этого не происходит» (Цит. по: *Gaddy and Ickes, 2002, p. 207*). Я признателен Клиффорду Гадди, который указал мне эту важную ссылку. В феврале 2004 г. г-н Путин «использовал предвыборную речь в четверг, чтобы объявить распад Советского Союза «национальной трагедией огромного масштаба», что, по-видимому, явилось наиболее сильным выражением сожаления о распаде Советского Союза с его стороны к настоящему моменту». Цит. по сообщению Associated Press от 12 февраля 2004 г. (см.: *Associated Press, 2004*).

которой станет возможным экономический подъем. Интересным примером такого развития событий является Албания: пережив лишь довольно умеренный начальный экономический спад из-за отсутствия издержек дезинтеграции, Албания значительно выиграла от быстрой интеграции в мировую экономику, благодаря своему географическому положению, открытости экономической политики и внешней финансовой помощи. Безусловно, эти факторы являются одним из основных объяснений устойчивого роста албанской экономики, где сегодня доходы на душу населения значительно превышают уровень 1990 г., в отличие от большинства стран СНГ.

Что касается стран СНГ, можно также утверждать, что устойчивый экономический рост, демонстрируемый этими государствами в последние годы, в значительной мере объясняется процессом реинтеграции, проходящим как внутри этих стран, так и за их пределами²². Однако, по многим причинам, страны СНГ сталкиваются с гораздо большими препятствиями, чем Албания, учитывая их географические характеристики и проводимую ими политику. Россия и Украина в особенности зависят от интеграции в Европу и мировую экономику в целом. Ключевым моментом здесь является как можно более раннее вступление в ВТО. Однако не меньшее значение имеет и продолжение уже до некоторой степени достигнутой внутренней реинтеграции, хотя при этом следует иметь в виду, что, особенно в случае России, этот процесс должен идти параллельно с переориентацией регионального развития с изолированных районов с холодным климатом в Сибири (см.: *Hill and Gaddy, 2003*). Для менее крупных стран СНГ жизненно важной является интеграция и сотрудничество со своими соседями по региону, не в последнюю очередь в целях облегчения их интеграции в мировую экономику, учитывая отсутствие у них выхода к морю. Действительно, провал в обуздании продолжающих действовать сил дезинтеграции (например, на Кавказе, а также и в Средней Азии) грозит быстро затянуть эти регионы в трясину политического хаоса. И для успеха борьбы против такого развития событий этим странам необходимы как собственные усилия, так и помощь со стороны.

В то же время на пути интеграции в СНГ стоит ряд серьезных проблем: во-первых, такая интеграция должна отличаться от искусственной и неэффективной экономической интеграции прошлого. Во-вторых, следует избегать ошибок создания региональных торговых блоков, отгороженных от остальных стран высокими протекционистскими барьерами. В-третьих, в случае, если такие интеграционные инициативы будут поддерживаться Россией, они неизбежно будут вызывать подозрения в том, что это лишь предлог для восстановления новой версии царской / советской империи. Несмотря на такие подозрения, следует признать, что Россия будет вынуждена сыграть основную экономическую роль в

²² Успешный рост экспорта неэнергетических товаров из России, отмечаемый в последнее время, в значительной мере обусловлен возобновлением экспорта продукции машиностроения и химической промышленности из России в соседние страны СНГ. Основываясь на данных последних лет, в докладе Мирового Банка отмечается, что: «В связи с этим, дальнейшая интеграция торговли в рамках СНГ, по-видимому, является выигрышной стратегией для ускорения общего роста в регионе и, безусловно, служит поддержанию благоприятных условий для российской промышленности». (*World Bank, 2004, p. 8*).

попытке реинтегрировать этот регион, такую же, как играли США в интеграции обеих Америк, а крупные европейские страны – в ЕС в Центральной Европе. Готовность США, Японии и ЕС оказать помощь России, Украине, Казахстану и другим странам СНГ в их стремлении присоединиться к ВТО, и помощь промышленно развитой страны, направленная на поддержку регионального экономического сотрудничества и интеграции хрупких экономик стран Средней Азии и Кавказа, могут стать основными факторами, которые обеспечат эффективное и конструктивное решение проблем реинтеграции, стоящих перед странами СНГ.

Выводы

В настоящей работе утверждается, что распад экономического пространства явился одним из основных факторов, объясняющих экономический крах в переходных странах Европы и Средней Азии. Несмотря на то, что дезинтеграция отнюдь не была единственным фактором, вызвавшим этот крах, она является любопытным феноменом, который экономисты – даже те, что в другом контексте подчеркивали выгоды интеграции – упустили из виду в качестве объяснения экономической траектории процесса перехода.

Доказательства, которые удалось собрать в данной работе в поддержку такой гипотезы, остаются фрагментарными, неполными, и, отчасти, даже умозрительными. Тем не менее, автору эти доказательства кажутся достаточными для того, чтобы утверждать, что дезинтеграция явилась значимым фактором, и что невнимание к ней в качестве такого фактора несет риск серьезных ошибок в интерпретации недавних важных исторических событий. Это упущение также несет риск того, что переходный спад будет отнесен на счет кажущегося провала реформ, когда на деле они, по-видимому, внесли свой вклад в сглаживании негативных последствий дезинтеграции и создали основу для долговременного экономического подъема. Тем не менее, вопрос проведения серьезных концептуальных и эмпирических исследований этой проблемы остается на повестке дня в целях углубления анализа, приведенного в данной работе, несмотря на все возможные трудности таких исследований.

В настоящей работе также утверждается, что экономическая реинтеграция внутри этого региона и его интеграция в мировую экономику предлагает возможность придания устойчивого характера недавнему быстрому росту. В деле продвижения такой реинтеграции, основной упор должен быть сделан на снижении барьеров на пути внутренней торговли и транзита, а также на внутреннюю мобильность трудовых ресурсов, капитала, и обмена научной информацией между странами данного региона, не упуская в то же время и целей интеграции региона в мировую экономику. Возможно, ирония истории заключается в том, что быстрый распад Советского Союза, который, в качестве наследника царской России, мог считаться одной из наиболее крупных и устойчивых империй в истории, также дал начало долговременному интеграционному процессу, охватившему два континента

Евразии, от атлантического побережья Португалии до тихоокеанских берегов Японии и от северных границ России до южного побережья Шри-Ланки.

Библиография

- Aghion, Philippe, and Olivier J. Blanchard. "On the Speed of Transition in Central Europe." Working Paper w4736. Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, 1994.
- Alexashenko, Sergey. "Macroeconomic Stabilization in the Former Soviet Republics: Dream or Reality?" In John Williamson, ed. (1993)
- Aslund, Anders. "The Myth of Output Collapse after Communism." Working Paper 18. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, March 2001.
- Aslund, Anders. *Building Capitalism: The Transformation of the Former Soviet Bloc*. New York: Cambridge University Press, 2002.
- . "Post-Soviet Free Trade." Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, May 2003: http://www.ceip.org/files/publications/aslund_postsoviettrade.asp
- Aslund, Anders, and Andrew Warner. "The Enlargement of the European Union Consequences for the CIS countries." Working Paper 36. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, April 2003: <http://www.ceip.org/files/publications/wp36.asp>
- Associated Press. "Putin laments demise of Soviet Union." *Associated Press*, 12 February 2004: <http://www.globeandmail.com/servlet/story/RTGAM.20040212.wsovi0212/BNStory/Front/?query=Russia>
- Avanesyan, Vahram, and Lev Freinkman. "Costing out the Big Bang: Impact of External Shocks on the Armenian Economy at the Outset of Transition." Working Paper 03/01. Armenian International Policy Research Group, January 2003.
- Basu, Kaushik. "Globalization and the Politics of International Finance: The Stiglitz Verdict." *Journal of Economic Literature* 41 (September 2003): 885-899.
- Blanchard, Olivier and Michael Kremer. "Disorganization." *Quarterly Journal of Economics* 112-4 (1997): 1091-1126.
- Brock, Gregory and Ewan Sutherland, "Telecommunications and Economic Growth in the Former USSR" *East European Quarterly* XXXIV, No 2 (September 2000): 319-335.
- Campos, Nauro F., and Fabrizio Coricelli. "Growth in Transition: What We Know, What We Don't, and What We Should." *Journal of Economic Literature* 40 (September 2002): 793-836.

- Chekurov, V.. “The Disintegration of the USSR and Paths of Formation of the New System of Russia’s Economic Relations in the Post-Union Space.” *Problems of Economic Transition* 38, no. 7 (November 1995): 78-92.
- De Broeck, Mark, and Vincent Koen. “The Great Contractions in Russia, the Baltics and the Other Countries of the Former Soviet Union: A View from the Supply Side.” Working Paper 00/32. International Monetary Fund, March 2000.
- Delyagin, Mikhail. “10 years, which have shocked the world: The results of USSR’s breakup for Russia and the humanity” (in Russian). Institute of Open Economy, 13 December 2001:
http://www.opec.ru/article.asp?tmpl=article_doc_print&d_no=18546
- Djankov, Simeon, and Caroline Freund. “Disintegration and Trade Flows: Evidence from the Former Soviet Union.” Working Paper 2378. The World Bank Financial Sector Strategy and Policy Department, June 2000.
- Ellman, Michael, and Vladimir Kontorovich. *The Disintegration of the Soviet Economic System*. London: Routledge, 1992.
- European Bank for Reconstruction and Development. “Trade and integration in transition countries.” Chapter 4 in *Transition Report 2003*. European Bank for Reconstruction and Development, 2003: 73-84.
- Fischer, Stanley, Ratna Sahay and Carlos A. Vegh. “From Transition to Market: Evidence and Growth Prospects.” Working Paper 98/52. International Monetary Fund, April 1998.
- Freinkman, Lev, Evgeny Polyakov and Carolina Revenco. *Trade Performance and Regional Integration of the CIS Countries*. Washington: The World Bank, 2004.
- Gaddy, Clifford G. and Barry W. Ickes. *Russia’s Virtual Economy*. Washington: The Brookings Institution Press, 2002
- Gaidar, Yegor, ed. *The Economics of Russian Transition*. Cambridge: MIT Press, 2003.
- Gavrish, Oleg. “Ukraine-Russia: ten years later” (in Russian). *Zerkalo Nedeli*, 25 August–1 September 2001: <http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/356/32018/>
- Godin, Yuriy. “And this is called integration?” (in Russian). *Russian Federation Today*, no. 2/2004 (25 April 2004): http://russia-today.ru/2004/no_02/02_reflections_1.htm
- Greenberg, Ruslan. “Results of Economic Reforms in Post Socialist Countries” (in Russian). *Critique of Russian Reforms by Domestic and Foreign economists*, March 2003: <http://www.rusref.nm.ru/indexpub116.htm>

- Gros, Daniel. "Regional Disintegration in the Soviet Union: Economic Costs and Benefits." *Intereconomics* (Hamburg) 26 (September-October 1991): 207-213.
- Gros, Daniel, and Alfred Steinherr. "Economic Reform in the Soviet Union: Pas De Deux Between Disintegration and Macroeconomic Destabilization." *Princeton Studies in International Finance*, no. 71 (November 1991).
- Hare, Paul, Alan Bevan, Jon Stern and Saul Estrin. "Supply Responses in the Economies of the Former Soviet Union." Discussion Paper No. 2000/09. Edinburgh: Centre for Economic Reform and Transformation, Department of Economics, Heriot-Watt University, December 2000.
- Harmstone, Richard C.. "Soviet Economic Disintegration." *Rivista Internazionale di Scienze Economiche e Commerciali* 42, no. 5 (1995): 337-356.
- Havrylyshyn, Oleh. "Recovery and Growth in Transition: A Decade of Evidence." IMF Staff Paper 48. The International Monetary Fund, Special Issue, 2001: 53-87.
- Hill, Fiona, and Clifford Gaddy. *The Siberian Curse: How Communist Planners left Russia Out in the Cold*. The Brookings Institution Press, 2003
- Hillenbrand, Olaf and Iris Kempe, eds. *Der schwerfaellige Riese: Wie Russland den Wandel gestalten soll*. Guetersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2003
- Institute for the Economy in Transition. *Russian Economy in 2003: Trends and Outlooks*. Moscow, March 2004
- Komarov I. "How much does disintegration cost?" (in Russian). *Observer*, no 26 (30), (1993): http://www.nasledie.ru/oboz/N26_93/26_12.HTM
- Kontorovich, Vladimir. "The Railroads." *The Disintegration of Soviet Economic System*. ed. Ellman, Michael and Kontorovich Vladimir. London: Routledge, 1992: 174-192
- Kornai, Janos. "Transformational Recession: A General Phenomenon Examined through the Example of Hungary's Development." *Economie Applique* 46.2 (fall 1993): 181-227. Also available in: Kornai, Janos. *Highways and Byways: Studies on Reform and Postcommunist Transition*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995: 161-208.
- Kotkin, Stephen. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse 1970-2000*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Kovaleva, G.A., Abalkin L.I., Boos G.V., Vartazarova L.S., Glazyev S. Yu., Yegorov C.Ye., Ivanter V.V., Nachayev A.A., Renov E.N., Rossel E.E. and Tihonov A.A.. "Economic integration within the framework of the Commonwealth of

- Independent States” (in Russian). Report of the Seventh Russian Economic Forum, Yekaterinburg, 2002: <http://www.midural.ru/forum/Arc/nes7.doc>
- Lindauer, David L. and Lant Pritchett. “What’s the Big Idea? The Third Generation of Policies for Economic Growth.” *Economia* (Fall 2002), 1-39
- McAuley, Alastair. “The Economic Consequences of Soviet Disintegration.” *Soviet Economy*. Edited by A. Hewett. V. H. Winston & Son, Inc., July-September 1991: 189-213.
- Metcalf, Lee Kendall. “The (Re)Emergence of Regional Economic Integration in the Former Soviet Union.” *Political Research Quarterly* 50.3 (September 1997): 529-549.
- Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation. “The Commonwealth of Independent States” (in Russian). Moscow: Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation (6 June 2004): <http://www.economy.gov.ru/MertRuntimeWeb/CommandsServlet?elementId=1086246467047&categoryId=18&action=ChangeView&mode=materialdetail&>
- NAG Consulting. “Russia’s Trade with CIS countries.” NAG Consulting, 2003: <http://www.users.globalnet.co.uk/~chegeo/index82.htm>
- Newberg, Rene. “Russia and Europe – the limits of Russia’s integration” (in Russian). Helsinki: Annual Meeting of Paasikivi Association (28 November 2002): <http://www.finemb-moscow.fi/venajasivut/um0131r4.htm>
- Noren, James H. and Robin Watson. “Interrepublican Economic Relations after the Disintegration of the USSR.” *Post Soviet Affairs* (V.H. Winston & Son, Inc.) 8 (April-June 1992): 89-129.
- Nuti, Mario D., and Jean Pisani-Ferry. “Post-Soviet Issues: Stabilization, Trade and Money.” Paper presented at the Conference on the Economic Consequences of the East. Frankfurt am Main: CEPR and Deutsche Bundesbank, 20-21 March 1992.
- Public Opinion Foundation. Public opinion polls on various topics on CIS and FSU conducted by Public Opinion Foundation (POF): http://english.fom.ru/about_eng/222.html
- The reviewed polls include:
- Petrova, A.. “Anniversary of the referendum on preserving the USSR.” Public Opinion Poll, 15 March 2001: <http://bd.english.fom.ru/report/map/eof010902>

- Public Opinion Poll. "CIS and the Single Economic Space." Public Opinion Poll, 27-28 September 2003: <http://bd.english.fom.ru/report/map/etb033907>
- Petrova, A.. "Dynamics of Russian attitudes on the USSR's collapse." Public Opinion Poll, 6 December 2001: <http://bd.english.fom.ru/report/map/eof014603>
- Klimov, I.. "Referendum on the Fate of the USSR: Ten Years Later." Public Opinion Poll, 14 March 2001: <http://bd.english.fom.ru/report/map/ed010927>
- Public Opinion Poll. "Referendum on the Fate of the USSR: Ten Years Later." Public Opinion Poll, 14 March 2001: <http://bd.english.fom.ru/report/map/ed010926>
- Public Opinion Poll. "Referendum on the Fate of the USSR: Ten Years Later". Public Opinion Poll, 14 March 2001: <http://bd.english.fom.ru/report/map/ed010909>
- Petrova, A.. "The USSR's collapse was too incredible to be true." Public Opinion Poll, 6 December 2001: <http://bd.english.fom.ru/report/map/eof014602>
- Petrova, A.. "The USSR's revival is desirable, but impossible." Public Opinion Poll, 15 March 2001: <http://bd.english.fom.ru/report/map/eof010901>
- Rodrick, Dani. "Making Sense of the Soviet Trade Shock in Eastern Europe: A Framework and Some Estimates." Working Paper 4112. National Bureau of Economic Research, Inc., June 1992.
- Roland, Gerard, and Thierry Verdier. "Transition and the Output Fall." *Economics of Transition* 7.1 (1999): 1-28
- Segal, Gerald. "China and the Disintegration of the Soviet Union." *Asian Survey* 32, no. 9 (September 1992): 848-868: <http://links.jstor.org/sici?sici=0004-4687%28199209%2932%3A9%3C848%3ACATDOT%3E2.0.CO%3B2-%23>
- Seumas, Milne. "Catastroika has not only been a disaster for Russia." *The Guardian*, 16 August 2001; (the Russian translation called "Reforms" or "Catastroika" has also been released) <http://www.guardian.co.uk/russia/article/0,2763,537599,00.html> and Russian version at http://news.bbc.co.uk/hi/russian/press/newsid_1496000/1496253.stm
- Shamshiyev, Chingiz. "Mystery of USSR's brake-up. How was it ..." (in Russian). Grenoble: Research Center of Economic Systems and Thought, January 2003:

- Part I <http://www.vlasti.net/index.php?Screen=news&id=63805> and Part II <http://www.vlasti.net/index.php?Screen=news&id=64905>
- Sitaryan, Stepan. "Integration of CIS countries: difficulties and perspectives of cooperation" (in Russian). *The Problems of Management Theory and Practice*, no. 5/01 (2001): http://www.ptpu.ru/issues/5_01/4_5_01.htm
- Stiglitz, Joseph E.. "Whither Reform? Ten Years of the Transition." Keynote Address at the World Bank Annual Bank Conference on Development Economics. Washington D.C.: World Bank, 28-30 April 1999.
- Sutela, Pekka. *The Russian Market Economy*. Helsinki: Kikimora Publications, 2003
- Tarr, David G.. "The Terms-of-Trade Effects Moving to World Prices on Countries of the Former Soviet Union." *Journal of Comparative Economics* 18 (1994): 1-24.
- The National Council for Eurasian and East European Research (NCEEER). "Annotated Bibliography." NCEEER: <http://www.nceeer.org/Working%20Papers/bibliography.pdf>
- United Nations Economic Commission for Europe. "*Russia: an engine of growth for the CIS.*" Press Release. Geneva: United Nations Economic Commission for Europe, 2 May 2002: <http://www.unece.org/press/pr2002/02gen10e.htm>
- Vavilov, Nikolay. "Integration 2000: problems and perspectives" (in Russian). *Commonwealth Internet* 06(39) (27 June 2001): http://cis.ng.ru/strategy/2000-04-26/1_inr2000.html
- Vedenyapin, Ya.S.. "Economic Reforms in Eastern European Countries and Russia" (in Russian). *Critique of Russian Reforms by Domestic and Foreign Economists*, no. 1(18) (1998): <http://www.rusref.nm.ru/indexpub55.htm>
- Williamson, John. *Economic Consequences of Soviet Disintegration*. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1993.
- . *Trade and Payments after Soviet Disintegration*. Policy Analysis in International Economics, no. 37. Washington, D.C.: Institute for International Economics, June 1992.
- Wolf, Holger C.. *The Economics of Disintegration in the Former Soviet Union*. Department of Economics and International Business, New York University, Stern School of Business, 4 May 1993.
- World Bank. *World Development Report 1996*. World Bank, Oxford University Press, June 1996.

World Bank. *Transition: The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union*. Washington, D.C.: The World Bank, 2002.

World Bank. "Russia Economic Report." No. 8, June 2004. Moscow,
www.worldbank.org.ru

Yasin, Evgeni. "The Economic Space of the Former Soviet Union, Past and Present." *Economic Consequences of Soviet Disintegration*. Edited by John Williamson. Institute for International Economics, 1993: 13-37

Zettelmeyer, Jeromin. "The Uzbek Growth Puzzle." Working Paper 98/133. International Monetary Fund, September 1998